Статья / Article

Нератова Е. И. Кубачинское оружие в Российском этнографическом музее. Часть 1: Предметы, приобретенные для музея Е. М. Шиллингом // Историческое оружиеведение. — 2023. — № 12. — С. 68 — 108.

Neratova E.I. (2023). Kubachinskoe oruzhie v Rossijskom jetnograficheskom muzee. Chast' 1: Predmety, priobretennye dlja muzeja E. M. Shillingom [Kubachi arms in Russian Museum of Ethnography. Part 1: Items acquired for the museum by E.M. Shilling]. Is*toricheskoe oruzhievedenie* [Weapons History Journal], № 12, pp. 68 — 108.

***Received**: 15 December 2022 / **Accepted**: 31 January 2023 / **Published**: 31 March 2023*

Copyright © 2023 The Author, The Center of Support and Development of Actual Research in the Field of Historical Weaponry (АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области Исторического оружиеведения»). This is an open access article distributed under the terms of the Creative Commons CC-BY license (CC BY 4.0), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

№12, 2023

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-63760 от 16.11.2015 г.
ISSN: 2713-1491
eLIBRARY ID: 57987
Издатель: АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области исторического оружиеведения»
Свидетельство Министерства юстиции Российской Федерации от 22.07.2015 г.
Учетный № 7714056109

Copyright © 2023 авторы, АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области исторического оружиеведения».
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Нератова Е. И.

Кубачинское оружие в Российском этнографическом музее.
Часть 1: Предметы, приобретенные для музея Е. М. Шиллингом

Kubachi arms in Russian Museum of Ethnography.
Part 1: Items ac-quired for the museum by E. M. Shilling

Нератова Елизавета Ивановна — зав. отделом спец. хранения, хранитель Особой кладовой Российского этнографического музея (Санкт-Петербург, Россия).

Elizaveta I. Neratova — Curator of Special Collections of The Russian Ethnographic Museum (St. Petersburg, Russia).
e.neratova@mail.ru

Аннотация: Этой статьей автор предполагает начать цикл статей о кубачинском оружии, представленном в собрании Российского этнографического музея (РЭМ). В каждой отдельной статье будут рассмотрены предметы, приобретенные музеем благодаря деятельности того или иного собирателя. Данная статья посвящена предметам, привезенным в музей выдающимся этнографом-кавказоведом Евгением Михайловичем Шиллингом (1892 – 1953). Помимо описания и атрибуции самих предметов, в статье будут затронуты некоторые вопросы, которые помогут лучше представить ряд особенностей кубачинской культуры, ее место и роль на Кавказе.

Экспедиционная деятельность Е. М. Шиллинга на Кавказ и в частности в Дагестан продолжалась более двадцати лет (с 1924 по 1946 год). В свою первую научную поездку по Кавказу (в Дагестан, Чечню, Осетию, Кабарду, Балкарию, Карачай, Черкесию и Сванетию) Е. М. Шиллинг отправился 1924-1925 годах. Она состоялась под руководством филолога-кавказоведа Н. Ф. Яковлева, возглавлявшего в эти годы отдел Кавказа Центрального музея народоведения. В 1926 году работал в Чечне, Кабарде, Адыгее и Краснодарском крае. В 1925 и 1927 годах состоялись экспедиции Е. М. Шиллинга в Абхазию. В 1928 году он в рамках работы Закавказской экспедиции ЦМН

изучал Мегрелию и Сванетию. В 1929 году Е. М. Шиллинг совместно с сотрудницей ЦМН Е. Р. Бинкевич собирал материалы по разным группам грузин (кахетинцам, сванам и аджарцам), совместно с преподавателем МГУ Б. А. Куфтиным (впоследствии сотрудником Государственного музея истории Грузии им. Симона Джанашиа) в том же году изучал месхов. В 1930 году Е. М. Шиллинг отправился в Адыгейскую Авт. обл. В 1938-1939 годах Е. М. Шиллинг снова побывал в Грузинской ССР (в 1939 году совместно с сотрудниками МН СССР Н. Ф. Такоевой и Л. А. Добрускиным), изучая карталинцев, гурийцев, грузинских евреев, но особое место в этих экспедициях было отведено посещению высокогорных районов республики и ознакомлению с культурой и бытом хевсуров, тушинов, пшавов. В 1940 году Е. М. Шиллинг отправился в Дагестан со студентами МГУ. Последние экспедиционные поездки ученого состоялись 1944-1946 годах. Они проводились под эгидой Института этнографии АН СССР и МГУ и также были посвящены Дагестану.

Но особое значение, применительно к теме данной статьи и музейным коллекциям, уделяется дагестанским экспедициям Е. М. Шиллинга 1925 и 1933-1935 годов. Именно в эти годы им были собраны уникальные материалы по культуре и быту народов региона, большинство из которых находится ныне в Российском этнографическом музее. Среди собранных предметов особое место занимают многочисленные заготовки, в том числе для изготовления оружия, те или иные детали в процессе их изготовления или украшения, а также инструменты, необходимые для оружейного и ювелирного производства.

В статье рассмотрены четыре предмета оружия: кинжал, сабля, шашка и пистолет. Описаны важные детали оформления и декорирования, позволяющие атрибутировать предметы, приведены необходимые исторические справки, сведения о мастерах и другая информация, необходимая для полного понимания предметов.

Несмотря на то, что в статье представлено разноплановое оружие, эти предметы объединяет личность самого Е. М. Шиллинга, что делает их существование в собрании РЭМ не случайным и обезличенным, ведь попадая в

коллекцию, жизнь вещи не прекращается, это продолжение бытования и немаловажная часть ее судьбы.

Ключевые слова: РЭМ, Е. М. Шиллинг, Кубачи, кавказское оружие.

Abstract: By this material, the author begins a series of articles on Kubachi arms presented in the collection of Russian Museum of Ethnography (RME). Each article deals with items acquired for the museum by different collectors. This one is dedicated to items acquired by Evgeniy Mikhailovich Shilling (1892 – 1953), a famous ethnographer and caucasiologist. In addition to description and attribution of items themselves, the article addresses some issues that will help to better present a number of features peculiar to Kubachi culture, as well as its place and role in the Caucasus.

Expeditions led by E.M. Shilling were conducted by the museum in 1933-1935. In these particular years, Shilling collected unique items that reflect the region's life and culture. Most of them are now exhibited in Russian Museum of Ethnography. Among collected items, a special place is occupied by numerous blanks (including those for arms manufacture), certain parts used in manufacture and decoration processes, as well as tools necessary for arms and jewelry manufacture.

The article observes four items: a dagger, a sabre, a shashka and a pistol. The author describes important design and decoration details that allow to attribute the items, provides historical references, information about the craftsmen and other data necessary for full understanding of the items.

Despite the fact that the article presents diverse items, they are united by the personality of E.M. Shilling himself. This makes their presence in the RME collection not random and depersonalized as getting into the collection extends an item's life – it is an important part of its fate.

Keywords: Russian Museum of Ethnography, Evgeniy Mikhailovich Shilling, Kubachi, Caucasian arms.

Данным текстом мы открываем цикл статей о кубачинском оружии, представленном в собрании Российского этнографического музея (РЭМ). Это собрание складывалось из разных источников и благодаря очень разным людям: исследователям (Е. М. Шиллингу, Е. Н. Студенецкой, Л. Ф. Виноградовой), изучавшим культуру извне; кубачинскому мастеру-ювелиру (Саиду Магомед-Оглы), знавшему ее изнутри, а также частным лицам, предлагавшим музею отдельные предметы. Но прежде, чем приступить к анализу предметов, приобретенных музеем благодаря деятельности того или иного собирателя, мне бы хотелось во вступлении сказать несколько слов о кубачинцах, чтобы были понятны особенности самой темы, которую мы будем рассматривать.

Кубачинцы – это уникальная культура. Она достаточно локальна и на протяжении продолжительного исторического периода времени является культурой одного селения – дагестанского аула Кубачи.

Вопросы времени возникновения селения Кубачи (Урбуг, Зирехгеран)[1], включая споры на эту тему, этногенеза населения, его материальной и духовной культуры хорошо освещены в специальной литературе и не требуют пересказа в данной статье, задача которой - осветить вопросы, связанные с оружейным промыслом второй половины XIX – первой половины XX века.

Однако, начиная рассмотрение интересующего нас в данный момент вопроса, я хочу вскользь коснуться некоторых данных, кои помогут лучше представить ряд особенностей этой культуры, чтобы понять и осознать их роль на Кавказе. Кубачинцы были (да и остаются) великолепными ремесленниками: прежде всего оружейниками, медниками и ювелирами[2].

---

[1] Считается, что Урбуг – это изначальное название данного населенного пункта, причем это эндотопоним. Но с X века по отношению к этой местности уже используется экзотопоним: Зирехгеран (Зирихгеран), что в переводе с персидского означает «кольчужник/кольчужники». Позже, в середине XV – начале XVI века, за аулом закрепляется тюркский топоним Кубачи (Гюбечи, Кубечи), который по сути является переводом предыдущего названия и также означает «кольчужники». Таким образом, название подчеркивает, что это аул, жители которого когда-то были известны изготовлением доспехов, то есть защитного вооружения.

[2] Занимались жители этого селения, конечно, не только обработкой металлов. В XIII-XV веках в ауле было создано множество памятников камнерезного искусства,

Во второй половине XIX века оружейное дело в ауле Кубачи (и задействованных с ним в едином процессе производства окрестных селениях) продолжало не только сохраняться, но и развиваться. Более того, это производство постепенно становилось более известным во «внешнем» мире. И тут весьма показательным является тот факт, что по статистическим данным (Шиллинг 2012, 21)[3] на 1869 год в селении Кубачи было 860 дворов, а уже через несколько лет их число уменьшилось вдвое (Указ. соч., 21)[4]. И, как справедливо заметил в своей работе Е. М. Шиллинг, речь, конечно, не идет об уменьшении численности кубачинцев, как народа. В документах зафиксирован важный для понимания характера кубачинцев процесс: отток населения аула в города. Это явление было тесно связано с окончанием Кавказской войны и тем, что по завершении оной появилась широкая возможность реализовывать свои изделия не только обращавшимся к ним покупателям и заказчикам, но предлагать свое мастерство, приходя к «потребителю». Безусловно, и в более ранний исторический период кубачинцы столь широко известные не только на Кавказе, но и за его пределами, отправлялись в другие населенные пункты, чтобы предложить свой труд. Кубачинская община не была замкнута в своем производстве, и работа ее мастеров не была рассчитана лишь на внутренний «рынок» общины. Однако количество «отходников» было значительно меньше. Одновременно с этим бóльшее количество заказов в те времена поступало в сам аул. В Кубачи приезжали заказчики либо их представители и посредники, передавая заказы или ожидая изготовления того, что требовалось. Но в последней трети XIX века многие высоко-

изучение которого давно привлекает внимание исследователей. Но все-таки приоритетным (по данным письменных источников, равно как и по переводу названия селения) являлось именно оружейное дело, включавшее в средневековый период истории в первую очередь изготовление защитного вооружения (кольчуг). Естественно, в ауле были развиты и другие ремесла, но они не имели такого значения в товарообмене между селениями Дагестана, хотя среди женских рукоделий отмечается золотошвейное дело и вязание шерстяных носков и обуви.

[3] Со ссылкой на Сборник статистических сведений о Кавказе, т. 1, Тифлис, 1869 г.

[4] Со ссылкой на А. В. Комарова Народонаселение Дагестанской обл. с этнографической картой. Записки Кавказского отделения Русского Географического Общества, VIII, Тифлис, 1873, с. 18-19.

классные ремесленники Дагестана отправлялись в города (в первую очередь города Кавказа) – туда, где их мастерство могло найти более широкий круг заказчиков и почитателей. Так и великолепные кубачинские ремесленники переселялись в города и станицы (а весьма часто «кочевали» из города в город). Они работали в пределах Российской Империи: в Тифлисе, Баку, Дербенте, Владикавказе, Нальчике, Пятигорске, в ст. Баталпашинской, в Армавире, Екатеринодаре, в Крыму… Переселялись (или выезжали на достаточно длительное время) они и в более отдаленные от Кавказа города, например, в Бухару и Хиву, в Киев, Харьков, Каменец-Подольский, Варшаву, Москву… и, наконец, в столицу Российской Империи Санкт-Петербург. Естественно для кавказских мастеров наряду с движением в столицу России было и движение за пределы государства в соответствии с давними торговыми, военными и культурными связями – в те регионы, где также был велик спрос на их изделия. Мастера-кубачинцы работали в Тавризе, Тегеране, Стамбуле и других городах.

Именно поэтому кубачинские изделия иногда так трудно бывает определить (атрибутировать). Сразу оговорюсь, я не имею в виду работы Кубачинского художественного комбината, стиль которого сформировался к середине XX века и является достаточно стабильным. Наше современное представление о кубачинских ювелирных изделиях сложилось во многом благодаря работам его первых художников и дальнейшей его деятельности. Однако более ранние ювелирные работы кубачинцев гораздо разнообразнее и гораздо менее узнаваемы, несмотря на использование ряда хорошо изученных и описанных элементов в их украшении. Кубачинские мастера в целом в период XIX – первой трети XX века были мастерами «с изменчивым лицом». Индивидуальный почерк каждого конкретного мастера, конечно, был, некоторые характерные применяемые кубачинцами элементы отделки (например, в орнаментике) тоже. Но я имею в виду кубачинцев, как явление (именно «явление»!) в целом. И именно это, на мой взгляд, говорит о широчайших возможностях мастеров, их великолепных навыках и знаниях. Мастера-кубачинцы могли работать практически в любом стиле, любой технике, в любом вкусе. Им были подвластны все или почти все приемы. Это были, воз-

можно, одни из самых выдающихся мастеров Кавказа, обладавших потрясающей гибкостью, чуткостью, открытостью к новому, вниманием к заказчику и его вкусам, создавая тот или иной предмет, который мог угодить конкретному человеку и частенько представителю другой культуры, но при этом, конечно, вносившим свой талант и мастерство (включая орнаментальные традиции) в каждое свое изделие.

Вот тут-то и кроется, на мой взгляд, ответ на поставленный вопрос. Широко известное искусство Кубачей (традиционное оружейное либо прикладное для «европейского потребителя» рубежа XIX–XX веков, либо ювелирное середины – второй половины XX века) направлено на внешний мир, причем (если брать оружейное производство) направлено на него издавна. Могла меняться мода, но не направленность. Вектор движения был всегда один – вовне. А традиционные ювелирные украшения были гораздо более ориентированы на внутренний мир, и чем более ранние они по времени, тем эта особенность ярче.

«Внутренний» мир являлся в целом общедагестанским, перекликавшимся с изделиями, характерными для всего этого региона. А «внешний» мир – это высокое мастерство, использовавшее ряд хорошо изученных приемов и описанных исследователями элементов орнамента, который вырабатывался, усложнялся и оформился к последней трети XIX века. Кубачинские мастера, работавшие для «внешнего» мира (а в первую очередь это именно оружейники), легко узнаваемы в изделиях рубежа XIX–XX веков, предположительно узнаваемы на середину XIX века и гораздо менее узнаваемы в изделиях более раннего производства.

Показательно также сочетание мастерства и коллекционирования произведений искусства, распространенное в Кубачах, а также торговли и перепродажи, сопутствующей любому коллекционеру. В каждом доме в ауле был свой «музей» – специальная комната (либо стена) с полками с выставленными на них разнообразными предметами: антиквариатом и современными жизни хозяина дома предметами искусства разных стран и народов, а также с собственными образцовыми или ранними изделиями. «Кубачинские музеи» характерны для всех мастеров аула. И это тоже дыхание «внешнего»

мира. Они говорят об интересе и уважении к изделиям чужих культур, о готовности взять оттуда что-то в собственный «арсенал» форм и приемов, а главное, о «насмотренности» кубачинцев. Они видели и знали гораздо больше, чем может показаться, и могли воплотить в жизнь практически любое пожелание заказчика или передать свое собственное представление о прекрасном, используя не только местные приемы, а «шлифуя», таким образом, собственные навыки и внося новшества в кубачинские черты. Говоря об оружии, мы видим все эти процессы, в первую очередь заметные именно в его отделке.

Все это не мешало коммерции, поскольку кубачинцы собирали предметы не только для собственных «музеев», но привозили их и для продажи, либо продавали предмет, когда находили для своего собрания лучший. В своих полевых материалах Е. М. Шиллинг, описывая это явление, говорит о наличии «в Кубачах старинных вещей «антиков», которыми кубачинцы до революции спекулировали»[5]. Так и при продаже предметов в музей (или при сборе предметов для музея) кубачинцы нередко предлагали не только собственно кубачинскую работу. Но при регистрации в фонды музеев и при отсутствии необходимых сведений по «истории вопроса» все они становились «кубачинскими».

Именно разбору кубачинского оружия из собрания Российского этнографического музея (РЭМ) и будет посвящена заявленная серия статей. Оно немногочисленно, но разнообразно.

Итак, часть первая: традиционное оружие, приобретенное для музея Е. М. Шиллингом (Илл. 1).

В данной статье я хочу коснуться предметов, привезенных в музей выдающимся этнографом-кавказоведом Евгением Михайловичем Шиллингом (1892–1953), личность которого сама по себе заслуживает внимания[6], он был не только исследователем, но и музейщиком.

[5] Архив РЭМ: ф. 5. оп. 2, д. 85, л. 8.

[6] Нератова Е. И. Шиллинг Евгений Михайлович: https://ethnomuseum.ru/collections/projects/collectors/shilling-evgenij-mihajlovich/

Илл. 1. Оружие, приобретенное Е.М. Шиллингом для музея в экспедиции в Дагестан в 1935 году

С 1923 по 1942 год он работал в этнографическом музее в Москве (названия музея менялись: сначала это было отделение в Московском Публичном и Румянцевском музее, с 1924 года – сформированный на его базе Центральный музей народоведения, получивший в 1932 (по другой версии в 1934) году новое название – Музей народов СССР). Большинство коллекций Музея народов СССР в 1948 году были переданы в Государственный музей этнографии в Ленинграде (нынешний Российский этнографический музей). Благодаря этому в РЭМ ныне хранятся предметы, собранные Е. М. Шиллингом в его многочисленных этнографических экспедициях, более тридцати из которых были посвящены народам Кавказа.

В Дагестане, в частности в Кубачах, Е. М. Шиллинг впервые побывал в 1924-1925 годах (Илл. 2)[7].

[7] Опубликована в статье: Махмудова З.У. Дагестан на переломе эпох: этнографические экспедиции Е.М. Шиллинга // Народы Кавказа: музейные коллекции, исследования объектов и явлений традиционной и современной культуры. – СПб.: МАЭ РАН, 2015. – С. 89

Илл. 2. Е.М. Шиллинг во время экспедиции. Вторая половина 1920-ых годов. Фотография хранится в семье внучки Е.М. Шиллинга Е.В. Григорьевой.

Новые экспедиции в Дагестан проводились музеем в 1933–1935 годах уже под его руководством. Там были собраны уникальные материалы по культуре и быту народов Дагестана, в том числе по кубачинцам.

Особое внимание среди этих предметов, применительно к нашей теме, занимают многочисленные заготовки, в том числе для изготовления оружия, те или иные детали в процессе их изготовления или украшения, а также инструменты, необходимые для оружейного и ювелирного производства (Илл. 3). Последующие экспедиции Е. М. Шиллинга в Дагестан (1940 и 1944–1946 годов) состоялись под эгидой Московского Государственного университета, в котором он преподавал на кафедре этнографии с 1939 года.

Илл. 3.
1. Заготовки клинков на разных стадиях изготовления.
2. Деревянные плашки-заготовки ножен
3. Образец старых ножен, обтянутых кожей, в процессе их изготовления (незавершенное изделие)
4. Рукояти кинжалов и рукоять шашки (как в процессе изготовления, так и размонтированные после прежнего использования).
5. В центре – клинок на деревянном ложе и инструмент (резец) для выстругивания долов.

Тем не менее, несмотря на достаточно большое количество продолжительных экспедиций Е. М. Шиллинга в Дагестан, оружие оттуда он привез только из одной из своих поездок. Она состоялась в августе – ноябре 1935 года.

Из пяти собранных им там образцов оружия, в Российский этнографический музей поступило только четыре. В настоящее время они атрибутированы и я с удовольствием представляю их читателям.

Все они по-своему показательны для кубачинцев.

Начнем с кинжала (Илл. 4, 5 и 6), описанного самим собирателем в экспедиции следующими словами: «Кинжал в богатых ножнах с серебром и слоновой костью. Образец старой работы. Цена 510 руб.»[8]. Кинжал может быть датирован самым концом XIX, но вероятнее началом XX века (предположительно периодом незадолго до начала Первой мировой войны или самого ее начала).

Илл. 4. Кинжал в ножнах. Дагестан, с. Кубачи. 1910 – 1914 годы
Длина общая (в ножнах) – 58,5 см. Длина кинжала – 56,7 см
Длина клинка – 43,2 см, ширина клинка у основания – 3,8 см
Сталь, серебро, кость, дерево, кожа, сукно
РЭМ № 8763 – 218/1,2

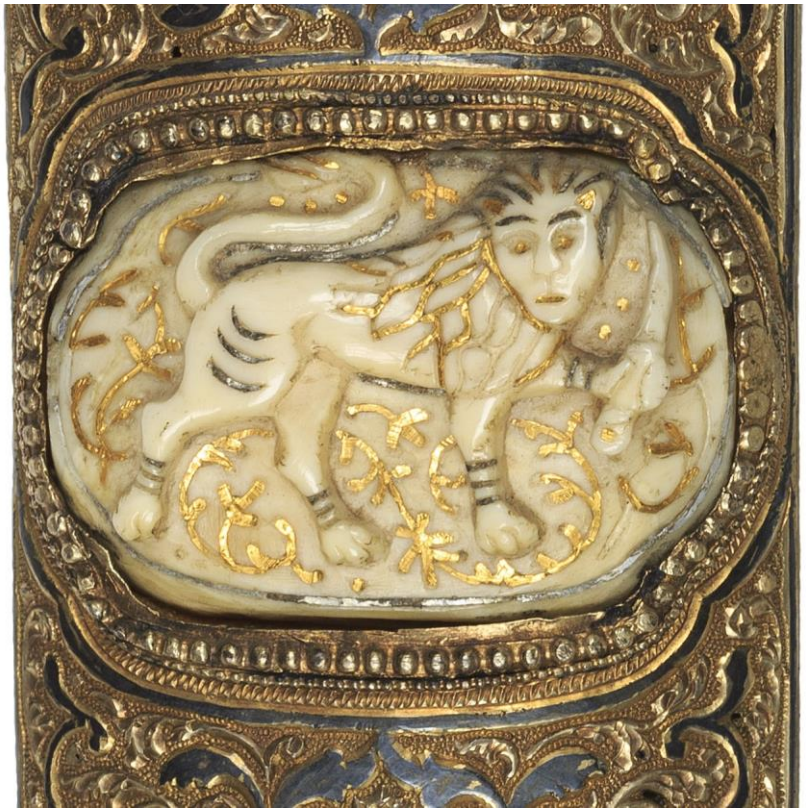
[8] Архив РЭМ: ф. 5. оп. 2, д. 85, л. 31.

Илл. 5. Кинжал с ножнами.
РЭМ № 8763 – 218/1,2. Лицевая сторона.

Илл. 6. Кинжал с ножнами.
РЭМ № 8763 – 218/1,2. Тыльная сторона.

О возможной датировке говорит как форма рукояти (Аствацатурян 2004, 221-223), так и обилие серебра, причем достаточно толстого, с нанесенной на него глубокой рельефной гравировкой, вошедшей в моду на рубеже веков (Указ. соч., 188). Данный кинжал достаточно «богатая» вещь. Клинок прямой, обоюдоострый, хорошей работы, с двумя неглубокими симметричными долами с каждой стороны и травленой стилизацией надписи арабской графикой. Мастер-отделочник (ювелир и монтировщик) для изготовления рукояти и ножен использовал самые разнообразные приемы: здесь и серебро с глубокой гравировкой, чернь, позолота, окантовки и обмотки из витой проволоки (скани) и полос ложной зерни; здесь и резьба по кости и инкрустация в кость тонких золотых и серебряных проволок.

В работе по кости особенно обращают на себя внимание рельефные резные изображения мужчин в черкесках, с оружием (как в статичных позах: стоя и сидя, так и в танце). Но главное, что бросается в глаза – это стилизованное изображение льва с саблей (Илл. 7).



Илл. 7. Ножны. РЭМ № 8763 – 218/2. Фрагмент.

Это изображение имеет отсылку к иранскому гербу («Лев и солнце»). Изображение гербов на оружии – очень давняя традиция. Она встречается достаточно широко по всему миру, будь то изображение родовых гербов тех или иных фамилий, будь то изображение государственных символов. В этом плане Новое время и особенно XIX – начало XX века показательны. Под влиянием заводских производств и особенно государственных (например, армейских) заказов знаки с государственной символикой на традиционном оружии становятся особенно значимыми. Их наличие на предметах ставит использующих их мастеров в ряд достойных, «лучших», тех, кто работает не только на местную публику, но на «корону», на государство в высшем смысле этого слова. При этом, несмотря иногда на исключительную простоту в исполнении, кинжалы, на клинках (а в еще более позднее время на ножнах) которых имеется такого рода государственная символика, принадлежали не самым рядовым гражданам либо тем, кто стремился к тому, чтобы выделиться. Ведь не только для мастера имело значение продемонстрировать этим гербом свое положение среди мастеров, изготавливавших оружие, но и среди «пользователей» была необходимость «похвастаться», что могут себе позволить приобрести оружие соответствующего мастера либо несут государственную службу. А ведь изделия такого мастера (по крайней мере, теоретически) должны были стоить дороже. Не удивительно, что на многих изделиях, изготовленных этими мастерами, мы можем видеть свидетельства их реальной или желаемой (заявляемой) известности. Такую своего рода деликатную «рекламу» самих себя в качестве популярных мастеров в трех государствах, имеющих или имевших серьезное влияние на Кавказе: Российской Империи, Персии (Иране) и Османской Империи. Иногда на одном клинке (чаще кинжальном) или на одних ножнах можно встретить символы всех трех государств одновременно: стилизованный герб России, стилизованный герб Ирана и турецкую султанскую тугру. И кубачинские мастера, конечно, использовали такую возможность.

Однако здесь перед нами кинжал, который, вероятно, был сделан по заказу для клиента, имеющего отношение к Персии (Ирану). Этот кинжал мог быть изготовлен, например, для представителя консульской миссии Персии

во Владикавказе (Плиева и др. 2022, 568-580), но в связи с частой сменой представителей миссии в 1910–1916 годах никому не вручен. Но мне представляется более вероятным, что его сделали для офицера Персидской казачьей бригады (Тер-Оганов 2012). Эта бригада была создана в процессе реформирования части регулярного персидского конного войска. Она просуществовала с 1879 по 1920 (формально по 1921) год. Бригадой (с 1916 года – дивизией) руководили русские офицеры. Смещение русского командующего будущим шахом Ирана Реза-ханом в 1920 году под давлением англичан привело к ее ликвидации в том же году. По легенде история ее возникновения уходит в путешествие персидского шаха Насер эд-Дина в Европу в 1878 году[9]. Маршрут его проходил через Россию, где на Кавказе он увидел казачьи конные подразделения, которые ему очень понравились (Указ. соч., 49).

Другим ориентиром стал Собственный Его Императорского Величества Конвой (в частности Лейб-гвардии Кавказский-Горский полуэскадрон). Поэтому Насер эд-Дин-шах решил реорганизовать часть своей кавалерии по казачьему образцу. Он обратился с соответствующей просьбой к наместнику на Кавказе Великому Князю Михаилу Николаевичу, о чем было доложено Александру II, и Россия помогла создать такое воинское подразделение уже в 1879 году (Указ. соч., 50). Конечно, все было сложнее и вопрос был детально подготовлен еще до путешествия шаха, но нас в данной истории больше интересует сам факт формирования бригады. На переговорном этапе русскую военную миссию возглавлял А. И. Домантович. Он предложил сформировать бригаду из голямов – шахской гвардии «Махдие-йе мансур» (Указ. соч., 53)[10], что поначалу всех устроило, но когда началась собственно работа по формированию бригады, тот же А. И. Домантович вместо обещанных голямов получил мохаджеров, набранных из потомков известных мусульманских родов, переселившихся из Эриванского и Нахичеванского ханств, вошедших в состав России после подписания Туркманчайского мира в 1828 г. (Указ.

[9] После окончания русско-турецкой войны 1877-1878 годов.

[10] Со ссылкой на Косаговского В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады. – Новый Восток, 1923, № 4, с. 391.

соч., 57)[11]. Во главе Персидской казачьей бригады стоял полковник русского Генерального штаба в должности заведующего обучением персидской (иранской) кавалерии. Русские офицеры и урядники были его помощниками – наибами. Во главе каждого полка стоял персидский (иранский) генерал в звании сартипа (генерал-майора). Полк делился на четыре эскадрона с персидскими (иранскими) офицерами во главе (Указ. соч., 66). Полкам персидской казачьей бригады была предписана форма точная или подобная форме кавказских казаков: первому полку – кубанских казаков, второму – терских. Третий был обмундирован по аналогии, но в зеленые бешметы и беловерхие папахи. Униформа казаков артиллерийской батареи соответствовала принятой в таких же подразделениях у кубанцев. Упряжь и седла были кавказскими. Вооружение состояло из кавказского кинжала и шашки, а также винтовок системы Бердана (тысяча таких винтовок была получена бригадой в дар от Александра III) (Указ. соч., 65).

В связи с этим интересно, что на ножнах рассматриваемого нами кинжала изображен стилизованный, но узнаваемый герб Персии (Ирана), мужские фигуры в черкесках, в папахах, с кавказским оружием, а на одном из медальонов вырезан портрет (Илл. 8) в головном уборе с кистью (отдаленно напоминающим головной убор персидских шахов Каджаров). Отсутствие усов у этого юноши (в отличие от кавказских воинов на этих же ножнах) позволяет высказать смелое предположение: не был ли здесь изображен (с известной долей условности) последний и юный шах Каджарской династии Султан Ахмад-шах (1897 года рождения, ставший шахом в 1909 году), известный нам и по фотографиям безусым? Очень возможно, что заказ на этот кинжал был получен от воина, служившего в Персидской казачьей бригаде, но по той или иной причине выполненное изделие не удалось доставить заказчику, а возможно, кинжал и не был полностью оплачен и хранился в семье мастера-изготовителя. Поэтому многие годы спустя он был продан Е. М. Шиллингу для музея, как образец старой работы. Но будь то миссия во Владикавказе или казачья бригада, изготовление данного кинжала стоит датировать ориентировочно 1910–1914 годами.

[11] Со ссылкой на Мамонтова Н. П. Очерки современной Персии. СПб, 1909, с. 91.

Илл. 8. Ножны. РЭМ № 8763 – 218/2. Фрагмент.

Вторую группу предметов составляют современные на момент приобретения вещи. Более того, изготовленные по заказу самого Евгения Михайловича Шиллинга. Это сабля и шашка.

Сабля (Илл. 9 и 10) является редким образцом для музея.

Илл. 9. Сабля с ножнами.
Дагестан, с. Кубачи. 1935 год.
РЭМ № 8763 – 220/1,2.
Лицевая сторона. Клинок – XIX век.
Сталь, серебро, эмаль, дерево, кожа.

Длина общая (в ножнах) – 90,5 см.
Общая длина сабли – 86,7 см.
Длина клинка – 73,7 см; ширина клинка у рукояти – 2,75.
Общая длина ножен – 73,5 см.
Длина основного ремня портупеи – 131,0 см, ширина – 1,35-1,4 см.

Илл. 10. Сабля с ножнами.
РЭМ № 8763 – 220/1,2.
Тыльная сторона.

Клинок данной сабли более старый, чем отделка и монтировка. Это легкий, гибкий клинок с одним глубоким долом вдоль обуха и узкими желобками. Он украшен надписями арабской графикой, выполненными травлением и расположенными в картушах. На лицевой стороне (правой) надпись в центральном картуше дополнена насечкой золотом по стали. Среди надписей есть читаемые фрагменты: «Будь готов к (…) во имя Аллаха!» и «Трус обдумывает каждый шаг»[12]. Клинок выполнен неизвестным мастером аула Амузги, который славился своими кузнецами-клиночниками. Этот давний «тандем» клиночников из Амузги и ювелиров и монтировщиков из Кубачи – двух аулов, расположенных недалеко друг от друга и тесно связанных процессом производства (Аствацатурян 2004, 201), дал множество примеров изготовленного ими холодного оружия с использованием этой специализации.

Рукоять и ножны, а также монтировка данной сабли сделаны братьями Тобчиевыми[13] (Топчиевыми[14] или Тубчиевыми[15]), о чем Е. М. Шиллинг оставил соответствующую запись в экспедиционных материалах, добавив, что «эмалевая работа – один из новых видов кубачинской работы»[16].

Приобретение данной сабли обошлось музею в 1935 году в 1810 руб.[17] На устье ножен с лицевой стороны имеется черневая надпись арабской графикой: «Сделали Бахамад и Абдаллах» (Илл. 11), с тыльной стороны – гравированная надпись кириллицей: «Сделано для музея народов СССР. Кобачи 1935 г. Мастер Б. Тобчиев» (Илл. 12). Под надписью имеются следы нацарапанной разметки этой же надписи, частично измененной при гравировке.

На устье ножен с торца надпись кириллицей, выполненная гравировкой: «Б. Тобчиев», также со следами нацарапанной «черновой надписи» (Илл. 13).

---

[12] Перевод Ю. Б. Гавриловой.

[13] Так сам мастер подписал (выгравировал) свою фамилию на описываемом изделии, такое написание использовано и Е. М. Шиллингом в опубликованных им работах.

[14] Так Е. М. Шиллинг пишет его фамилию в экспедиционных документах.

[15] Так его фамилию пишет Э. Г. Аствацатурян и многие другие авторы в своих публикациях.

[16] Архив РЭМ: ф. 5. оп. 2, д. 85, л. 32.

[17] Архив РЭМ: ф. 5. оп. 2, д. 85, л. 32.

Илл. 11. Ножны. РЭМ № 8763 – 220/2. Фрагмент.

Илл. 12. Ножны. РЭМ № 8763 – 220/2. Фрагмент.

Илл. 13. Ножны. РЭМ № 8763 – 220/2. Фрагмент.

Братья Бахмут (ок.1868–1943) и Абдулла (Абдула, Абдаллах) Тобчиевы (ок.1874–1939) – знаменитые кубачинские мастера. Как пишет Е. М. Шиллинг, изначально они оба были граверами, но увлеклись эмалью и стали первыми и лучшими эмальерами Дагестана. Бахмут Тобчиев в 1890-х годах работал в Петербурге, где выполнял заказы по оформлению холодного оружия. В Петербурге он и познакомился с цветной эмалью, изучил процесс работы, приобрел большой запас эмалевых красок и, вернувшись в Кубачи, начал вместе с братом самостоятельно работать, украшая свои изделия эмалью (Шиллинг 2012, 138). Модная новинка пришлась братьям по душе. В ауле Кубачи прежде не было эмальеров. Все эмали на Кавказе имели в основном иранское происхождение. Это был промысел в первую очередь бакинских персов и персов, живших в Тифлисе. Но они работали с эмалью в совершенно другой технике. Русский период принес на Кавказ некоторые русские традиции. Появилась привозная перегородчатая эмаль. Например, встречались выполненные московской ювелирной фирмой П. А. Овчинникова сосуды в грузинском стиле, но украшенные эмалью и пользовавшиеся популярностью в Тифлисе. А в начале XX века это искусство стало развиваться в Дагестане.

Но Тобчиевы предложили свой вариант работы с эмалью. «Будучи отличными гравировщиками, они создали свои лучшие вещи, выдвинув на первое место именно данный прием цветной эмали, получивший тут общее признание, ставший популярным, подхваченный более молодыми мастерами. Эффект эмали по гравировке сочетается с эффектом собственно гравировки и чеканки – многоцветность красок с тонами золота и серебра. Это богатство эмальерных работ Тобчиевых усугубляется еще введением в композицию декоративных пятен тонким черневым узором» (Указ. соч., 138-139).

Сама форма сабельной рукояти и оформление ножен представляют собой один из устоявшихся для Дагестана типов, получивший особо широкое распространение в начале XX века. Рукоять имеет звериную головку, соединенную с крестовиной парными цепочками с ажурным шариком посередине. Черен рукояти и крестовина с лицевой стороны украшены стилизованным растительным орнаментом и надписями (или имитацией надписей) арабской графикой, выполненными белой, синей, голубой и зеленой эмалью и инкрустацией золотом (Илл. 14).

Илл. 14. Сабля. РЭМ № 8763 – 220/1. Рукоять.

Ножны деревянные сплошь покрытые серебряными деталями: они имеют три пластины-основы, охватывающие ножны, поверх которых закреплены: наконечник, маленькая обойма, две большие обоймы (одна из которых одновременно является обоймой устья ножен) с выпуклыми обоймицами для крепления портупеи в центре каждой. Оба кольца обоймиц расположены на ребре. С тыльной стороны все серебряные элементы ножен украшены стилизованным растительным орнаментом, выполненным глубокой гравировкой, дополненным чернью и позолотой. Фон опущен, заполнен набитыми пуансоном точками. Орнамент имеет осевую симметрию. Портупея сабли сделана из черной кожи, застегивается на серебряную пряжку с язычком. Портупейный набор состоит из достаточно стандартных литых серебряных позолоченных деталей, украшенных с лицевой стороны стилизованным растительным орнаментом, выполненным гравировкой, дополненным чернью. Но работа по серебру на деталях портупеи достаточно простая, не такая проработанная и не такая качественная. Возможно, отлитые детали были доработаны начинающими мастерами (учениками).

В собрании нашего музея хранится карандашный портрет Бахмута Тобчиева, выполненный сопровождавшим экспедицию Е. М. Шиллинга в Дагестан в 1935 году художником Рувимом (Ильей) Мазелем[18]. Благодаря этой работе мы можем видеть, как выглядел мастер, когда он работал над украшением рассматриваемой сабли. В нижнем правом углу рисунка художник указал возраст мастера — 62 года. Если Р. Мазель зафиксировал возраст верно, то получается, что Бахмут Тобчиев родился в 1873 году, то есть был на 5 лет моложе, чем предполагал Е. М. Шиллинг, когда писал в книге «Кубачинцы и их культура…»: «Бахмут умер в 1943 году в возрасте около 75 лет» (Шиллинг 2012, 138). Если ошибся художник, то Бахмуту Тобчиеву на рисунке 67 лет (Илл. 15).

[18] Мазель Рувим (Илья) Моисеевич (1890, г. Витебск – 1967, Москва) – художник (учился сначала в школе рисования и живописи в Витебске, затем в петербургской рисовальной школе Общества поощрения художников, после в Мюнхенской Академии художеств), с начала Первой мировой войны служит в г. Ашхабаде, с 1925 г. живет и работает в Москве. В 1930-ых годах сотрудничал с Музеем народов СССР.

Илл. 15. Мазель Р.М. Портрет Бахмута Тобчиева. 1935 год.
РЭМ № 8764 – 9145.
Бумага, карандаш.
Длина – 43,8 см. Ширина – 31,1 см

Шашка (Илл. 16, 17) была приобретена в той же экспедиции за 480 руб. и охарактеризована Е. М. Шиллингом как «образец средней кубачинской работы по серебру»[19].

Илл. 16. Шашка с ножнами. Дагестан, с. Кубачи, 1935 год. Клинок – XIX век. РЭМ № 8763 – 219/1,2. Лицевая сторона.

Длина общая (в ножнах) – 104,0 см.
Общая длина шашки – 97,8 см.
Длина клинка – 81,0 см.
Ширина клинка у рукояти – 3,4 см.
Общая длина ножен – 96,4 см.
Длина основного ремня портупеи (с наконечником) – 139,0 см, ширина – 1,2-1,3 см.
Сталь, серебро, недраг.металл, дерево, мастика-наполнитель, эмаль.

[19] Архив РЭМ: ф. 5. оп. 2, д. 85, л. 33.

Клинок данной шашки также более старый, чем отделка и монтировка. Он имеет закавказское происхождение и снабжен клеймом «волчок» с «пчелами» с обеих сторон клинка (Илл. 18). Это клинок слабой кривизны с двумя узкими долами, соединяющимися на расстоянии 14,8 см от основания рукояти в один широкий дол.

Рукоять и ножны, а также монтировка выполнены известным кубачинским мастером Алиханом Ахмедовым[20] – отцом прославленного Расула Алиханова (именем которого в настоящее время назван КХК). По сведениям Е. М. Шиллинга Алихан Ахмедов родился в 1884 году (по другим данным в 1894-1895 годах – сконч. в 1966). Этот мастер учился ювелирному делу у своего отца и почти всю свою жизнь работал в родном селении, только в юности выезжал для работы во Владикавказ (Указ. соч., 134). Е. М. Шиллинг называл его мастером-художником, который «творчески использует все богатства кубачинского стиля» и «лучшим знатоком кубачинского растительного орнамента» (Указ. соч., 134). Отделка приобретенной для музея шашки его работы имеет один из устоявшихся и популярных в начале XX века вариантов исполнения, но выполнена она также в 1935 году.

Илл. 17. Шашка с ножнами. Тыльная сторона. РЭМ № 8763 – 219/1,2.

Рукоять шашечная, раздвоенная, полностью покрытая серебром. Интересно, что отделка головки и черена и основания рукояти сделана в разных стилях, как будто для разных шашек, и волею судеб соединенных на одном предмете. Однако именно черен и основание сделаны более тонким, свободным и очень характерным для Алихана Ахмедова рисунком «Москов накыш» (Указ. соч., 123), к которому столь часто обращался мастер и разрабатывал разные его варианты. Головка же сделана в более привычной дагестанской классике орнаментом «мархарай», а на ножнах также в привычной дагестанской манере чередуются несколько вариантов орнамента, имитирующих элементы прибора и галунных украшений более ранних шашечных ножен, с использованием «тутта». Детали «старого» прибора ножен выделены светлым серебром, орнаменты нанесены глубокой гравировкой и лишь немного дополнены чернью. Серебряные детали, имитирующие кожу, покрыты чернью, а незначительный (редкий) гравированный рисунок углублен.

Илл. 18.
Шашка. РЭМ № 8763 – 219/1.
Клинок (фрагмент).

Илл. 19. Шашка с ножнами. РЭМ № 8763 – 219/1,2. Фрагмент.

Любопытно, что и Алихан Ахмедов в этой своей работе обратился к эмали (Илл. 19). Незначительными эмалевыми украшениями дополнены обоймицы шашки с лицевой стороны. Но тут эмаль сделана совершенно иначе, чем у братьев Тобчиевых. Алихан Ахмедов воспользовался техникой перегородчатой эмали. Элементы рисунка подчеркнуты полосами ложной зерни. С тыльной стороны все серебряные элементы ножен украшены редким стилизованным растительным орнаментом, выполненным гравировкой и чернью. Фон неопущенный, гладкий. Орнамент имеет осевую симметрию.

Портупея шашки сделана из черной кожи, застегивается на серебряную пряжку с язычком. Портупейный набор состоит из достаточно стандартных литых серебряных деталей, украшенных с лицевой стороны стилизованным растительным орнаментом, выполненным гравировкой, дополненным чернью. Наконечник пояса и деталь, состоящая из имитации наконечника с дополнительной пряжкой, украшены в несколько разном стиле (немного другой рисунок и характер его исполнения). Есть основание предполагать, что наконечник пояса был выполнен отдельно, возможно, он уже был в наборе

деталей (заготовок) у мастера, он выглядит немного старше остального портупейного набора. Тщательность проработки идентичных деталей на портупее тоже разная.

Наконец, четвертый предмет в нашем собрании из привоза Е. М. Шиллинга – это кремневый гладкоствольный пистолет тапанча́ (Илл. 20, 21 и 22). Он был приобретен в ауле Кубачи за 150 руб. как «образец старой кубачинской работы с серебряными украшениями»[21].

Ствол гладкий, калибр 15 мм. На стволе имеются рельефные украшения, дополненные насечкой золотом. Из прицельных приспособлений имеется только характерный для кубачинских пистолетов открытый прицел (на хвостовике), мушка отсутствует (не предполагалась при изготовлении).

Илл. 20. Пистолет «тапанча».
Дагестан, с. Кубачи, 1840 – 1850-ые годы.
РЭМ № 8763 – 217

Общая длина (по хорде) без кольца для подвески – 49,5 см.
Длина ствола – 32,7 см.
Калибр – 15 мм.
Наибольший диаметр расширения рукояти – 5,9 см.
Сталь, железо, дерево, серебро.

[21] Архив РЭМ: ф. 5. оп. 2, д. 85, л. 34.

На стволе имеются клейма с надписями по-арабски (в пятиугольном (Илл. 23): «Работал Хаджи Мустафа», в каплевидном (Илл. 24): «Проверено»)[22]. Имя мастера-ствольщика (Хаджи Мустафа), которое украшает рассматриваемый пистолет, легендарно! Это был весьма знаменитый мастер, чья слава была широко распространена в Дагестане и на всем Северном Кавказе (Аствацатурян 2004, 286). Поэтому в равной степени возможно, что ствол сделан именно этим знаменитым мастером из Харбука, а возможно в подражание ему с использованием клейма с его именем, как «знака качества», что также было принято.

Замок кремневый, кавказский (относится к средиземноморскому типу), характерный для Дагестана. Снаружи (по внешним сторонам) обтянут тонким серебром и украшен неглубокой гравировкой и чернью. Внизу, на боевой пружине, имеется надпись арабской графикой (Илл. 25): «Дом Али»[23]. Ложа пистолета деревянная с имитацией шомпола (обкладка цевья – цельная, без выреза под шомпол). На пистолете имеются многочисленные серебряные детали: ложевые кольца и накладные фигурновырезанные пластины-украшения ложа и рукояти. В украшении серебряных деталей использована неглубокая, но очень аккуратно (тщательно) сделанная гравировка. Фон между элементами орнамента заполнен гладкой чернью. По характеру отделки отличаются только две планки: одна – накрывающая хвостовик ствола, вторая – идущая под рукоятью и оформляющая спусковую щель. Здесь центральная ось растительного орнамента выделена чернью, а фон заполнен набитыми пуансоном мелкими кружочками.

Илл. 21. Пистолет «тапанча». Вид сверху.
РЭМ № 8763 – 217

[22] Перевод Е. И. Малозёмовой.
[23] Перевод Е. И. Малозёмовой.

На пластине, закрывающей хвостовик, у прицела, имеется имя владельца, написанное чернью арабской графикой (Илл. 26): «Владелец его…»[24]. Данный пистолет может быть ориентировочно датирован 1840-1850-ми годами.

Этот пистолет интересен и тем, что здесь мы тоже видим разделение труда по специализации работы, которая в XIX веке сделала Кубачи из аула оружейников селением в первую очередь ювелиров и монтировщиков. В 1880-х годах О. В. Маргграф отмечал, что в трех соседних селениях Дагестана: Кубачи, Харбук и Амузги - сформировалось своеобразное кузнечно-слесарное производство с «цеховой» специализацией по аулам. Харбук славился исключительно изготовлением стволов, которые они свивали и сваривали из проволоки, которую они же тянули из русского шинного железа. Кубачи – производством кремневых замков, лож из орехового дерева, изготовлением прикладных частей для сборки и, наконец, сборкой огнестрельного оружия, а также украшением огнестрельного и холодного оружия. Амузги был известен своими клинками (Маргграф 1882, 209-215; Магомедов и др. 2022, 18).

В музее мог бы храниться еще один предмет, привезенный из экспедиции Е. М. Шиллингом, но в 1948 году он из Музея народов СССР в Государственный музей этнографии (нынешний РЭМ) передан не был. А предмет должен был бы быть любопытным.

Илл. 22. Пистолет «тапанча». Вид снизу.
РЭМ № 8763 – 217

[24] Перевод Е. И. Малозёмовой.

Илл. 23. Пистолет «тапанча». Фрагмент.
РЭМ № 8763 – 217

Илл. 24. Пистолет «тапанча». Фрагмент.
РЭМ № 8763 – 217

Известно, что в начале 1880-х годов к Всероссийской промышленной выставке мастерами Дагестана были сделаны на заказ «пистонные ружья, револьверная (магазинная) винтовка и револьвер» (Марггграф 1882, 205-206). В 1912 году на Первой Дагестанской сельскохозяйственной выставке в Темир-Хан-Шуре харбукские мастера экспонировали револьвер системы Смит и Вессон своего изготовления, а в годы гражданской войны активно занялись изготовлением пистолетов под патрон 44-го калибра (Аствацатурян 2004, 288).

Илл. 25. Пистолет «тапанча». Фрагмент.
РЭМ № 8763 – 217

Именно поэтому в 1935 году Е. М. Шиллинг, находясь в ауле Харбук, заказал и приобрел (в дар) для музея такой неожиданный предмет традиционной культуры: «Маузер (однозарядный) сделан по моему заказу одним из харбукских мастеров т. Шахбановым (его портрет см. рис. И. Мазеля). Вещь сделана ручным кустарным способом в течение одной недели»[25]. Как выглядел этот предмет, мы сегодня можем только предполагать. Однако портрет мастера, являвшегося одновременно чабаном, сохранился (Илл. 27).

Последний предмет, конечно, не относился к кубачинскому оружию, ибо он не был украшен, но поскольку он был когда-то изготовлен в соседнем селении и есть (пусть только документальная) информация о нем, а также привезен из той же экспедиции Е. М. Шиллинга, из которой и остальные четыре предмета, освещенные в данном материале, то хотелось о нем просто упомянуть.

[25] Архив РЭМ: ф. 5. оп. 2, д. 85, л. 11.

Илл. 26. Пистолет «тапанча». Фрагмент.
РЭМ № 8763 – 217

Илл. 27.
Мазель Р.М. Портрет чабана Шахбанова. 1935 год.
РЭМ № 8764–9144.
Бумага, карандаш
Длина – 43,8 см.
Ширина – 31,1 см.

Завершая обзор собрания кубачинского оружия РЭМ, поступившего из экспедиции Е. М. Шиллинга 1935 года, в котором предметы подобраны не по типам или стилю оформления, не по времени изготовления или бытования, а лишь по имени собирателя, мне хотелось показать, насколько конкретные (и весьма разные) четыре предмета могут быть интересны и информативны для исследования. А также хотелось обратить внимание на личность Евгения Михайловича Шиллинга, благодаря которому они ныне в музее.

Второй обзор, планируемый к публикации в следующем номере журнала, будет посвящен предметам, связанным с именем Саида Магомед-Оглы (Магомедова).

Библиография

Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. — СПб, — 2004. — 432 с.

Магомедов А.Дж., Юсупов Х.А. Структура ремесленных специальностей традиционных промыслов Дагестана конца XIX – начала XX в. (по материалам Кубачи, Харбук, Амузги) // Международный научно-исследовательский журнал. — Екатеринбург. — № 6 (120). —часть 3, июнь 2022. — С. 16 — 20.

Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. — М., 1882. — 328 с.

Плиева З.Т., Туаева Б.В., Канукова З.В., Калирад А. Деятельность консульских служб Ирана на Кавказе в 1905–1911 гг.: по иранским источникам // Вестник РУДН. Серия: История России. — 2022. — Т. 21. — № 4. — С. 568–580.

Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. — М., 2012. — 352 с.

Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. АН СССР. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Том VIII (М.-Л., 1949), Переиздание: АНО «Зерихгеран», Махачкала, 2012.

Принятые сокращения:

РЭМ – Российский этнографический музей
ГМЭ – Государственный музей этнографии
КХК – Кубачинский художественный комбинат

References

Astvacaturjan Je.G. (2004). *Oruzhie narodov Kavkaza* [Weapons of the peoples of the Caucasus]. SPb. 432 p.

Magomedov A.Dzh., Jusupov H.A. (2022). Struktura remeslennyh special'nostej tradicionnyh promyslov Dagestana konca XIX – nachala XX v. (po materialam Kubachi, Harbuk, Amuzgi) [The structure of handicraft specialties in the traditional crafts of Dagestan in the late 19th - early 20th centuries (Based on Kubachi, Kharbuk, Amuzgi)]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Scientific Research Journal], № 6 (120), part 3, June, 2022, pp. 16-20. Ekaterinburg.

Marggraf O.V. (1882). *Ocherk kustarnyh promyslov Severnogo Kavkaza s opisaniem tehniki proizvodstva* [Essay on handicrafts in the North Caucasus with a description of production techniques]. M. 328 p.

Plieva Z.T., Tuaeva B.V., Kanukova Z.V., Kalirad A. (2022). Dejatel'nost' konsul'skih sluzhb Irana na Kavkaze v 1905–1911 gg.: po iranskim istochnikam [Activity of Iranian consular services in the Caucasus in 1905–1911: according to Iranian sources]. *Vestnik RUDN* [Bulletin of RUDN University], Serija: Istorija Rossii, V. 21, № 4, pp. 568–580.

Ter-Oganov N.K. (2012). *Persidskaja kazach'ja brigada 1879–1921 gg.* [Persian Cossack Brigade 1879–1921]. M. 352 p.

Shilling E.M. (2012). Kubachincy i ih kul'tura. Istoriko-jetnograficheskie jetjudy [Cubans and their culture. Historical and ethnographic studies]. *AN SSSR. Trudy Instituta jetnografii im. N. N. Mikluho-Maklaja. Novaja serija* [Academy of Sciences of the USSR. Proceedings of the Institute of Ethnography. N. N. Miklukho-Maclay. New episode], v. VIII, (M.-L., 1949). Mahachkala, ANO «Zerihgeran» Publ.

Abbreviations

РЭМ - Russian Ethnographic Museum
ГМЭ - State Museum of Ethnography
КХ - Kubachi Art Plant